

1

Где-то среди моих десяти дней в Париже (и Бретани) было мне какое-то озарение, которое, похоже, снова меня изменило, к тому, что, наверное, еще семь лет или больше будет моим лекалом: по сути, *сатори*: японское слово, означающее «внезапное озарение», «неожиданное пробуждение» или же просто «дали в глаз». — Как бы там ни было, что-то и *впрямь* случилось, и в моих первых грезах после этой поездки, а я теперь дома, перегруппирую все смешанные богатые события тех десяти дней, похоже, что сатори мне вручил таксист по имени Реймон Байе, а в другие разы мне кажется, это мог оказаться и мой паранойный страх на туманных улицах Бреста, Бретань, в 3 часа ночи, а еще иногда я считаю, что это был месье Кастельжалу и его ослепительно красивая секретарша (бретонка с иссиня-черными волосами, глаза зеленые, передние зубки со щелочкой в самый раз в съедобельных губках, белый шерстяной вязаный свитер, с золотыми браслетами и духами) либо официант, который мне сказал: «*Paris est pourri*» (Париж прогнил), или же исполнение Моцартова «Реквиема» в старой церкви Сен-Жермен-де-Пре с ликующими скрипачами, махавшими от радости локтями, поскольку пришло столько уважаемых людей, забили все скамьи и особые стулья (а снаружи туманится), или же, во имя Небес, *что?* Прямые аллеи

деревьев Садов Тюильри? Или ревущий размах моста над гремучей праздничной Сенной, по которому я шел, держась за шляпу, зная, что дело не в мосте (выстроенном на скорую руку на *Quai des Tuileries*¹), но это меня мотает от обилия коньяка и нервов, и без сна, и от реактивного авиалайнера всю дорогу от Флориды, двенадцать часов с аэропортовыми треволнениями, или тут бары, или муки мешают?

Как и в прежней автобиографической книге, здесь я стану пользоваться своим подлинным именем, полным в данном случае, Жан-Луи Лебри де Керуак, поскольку вся история — о моем поиске этого имени во Франции, и я не боюсь выставить настоящее имя Реймона Байе под пристальные взоры общественности, потому что, в связи с тем фактом, что он мог оказаться причиной моего сатори в Париже, могу о нем сказать единственное — он был любезен, добр, умел, хипов, отчужден и множество всего другого, а преимущественно просто-напросто таксист, которому выпало везти меня на летное поле Орли на обратном пути домой из Франции: и у него, само собой, из-за этого не будет неприятностей — А кроме того, вероятно, и не увидит никогда своего напечатанного имени, потому что столько книг нынче публикуется в Америке и Франции, что ни у кого нет времени за ними всеми следить, а если ему кто-нибудь скажет, что имя его пропечатано в американском «романе», он, вероятно, и не отыщет никогда, где купить его в Париже, если его вообще переведут, а если и найдет, ему не повредит прочесть, что он,

Реймон Байе, превосходный джентльмен и водитель такси, которому удалось впечатлить американца, везомого за деньги в аэропорт.

*Compris?*²

¹ Набережная Тюильри (фр.). — Здесь и далее прим. переводчика.

² Понятно? (фр.)

2

Но я же говорю, не знаю, как мне досталось это Сатори, а сделать тут можно одно — начать сначала и, может, я найду прямо в поворотной точке истории и отправлюсь радоваться до самого ее конца, сказки, рассказываемой ни по какой иной причине, а только за компанию, что есть иное (и мое любимое) определение литературы, сказки, которую рассказывают за компанию и дабы научить чему-нибудь из религии, либо религиозному почтению, о подлинной жизни, в этом подлинном мире, который литература должна (и здесь так и делает) отображать.

Иными словами, и после этого я заткнусь, придуманные истории и романтические романы о том, что произойдет, ЕСЛИ, — для детей и взрослых кретинов, которые боятся прочесть себя в книжке ровно так же, как могут бояться смотреть в зеркало, когда болеют или ранены, или с бодуна, или с ума сошли.

3

Книжка эта скажет, по сути, пожалейте всех нас и не злитесь на меня за то, что я все это написал.

Я живу во Флориде. Прибыв в пригороды Парижа на большом реактивном лайнере «Эр Франс», я заметил, как зелены северные местности летом, потому что зимние снега стаяли прямо на этот луг слизнелютиков. Зеленой любой опальмеченной земли когда угодно, а особенно в июне перед тем, как август (*Août*) все иссушит. Самолет коснулся земли без джорджианского сучка и задоринки. Тут я имею в виду тот самолет, полный выдающихся респектабельных атлантцев, что нагрузились подарками году в 1962-м и отправились назад в Атланту, и тут лайнером пульнуло в ферму, и все погибли, он даже от земли не оторвался, и пол-Атланты вымерло, а подарки разбросало, и они сгорели над всем Орли, огромная христианская трагедия, французское правительство там вообще не виновато было, поскольку летчики и экипаж стюарда все были французские граждане.

Самолет коснулся земли, как надо, и вот мы в Париже серым холодным утром в июне.

В аэропортовом автобусе американский эмигрант спокойно и радостно курил трубку и беседовал со своим приятелем, только что прибывшим другим самолетом, вероятно, из Мадрида или чё-то вроде. В

моем же самолете я не разговаривал с усталой американской девушкой-художницей, потому что над Новой Шотландией она заснула в одинокой холодрыге после истощенья Нью-Йорка и оттого, что пришлось покупать миллион выпивок тем, кто за нее там нянькался — да и не мое это дело вообще. В Айдлуайлде она поинтересовалась, не собираюсь ли я искать в Париже мою старую зазнобу:- нет. (А похорошему надо бы.) Ибо в Париже я был человеком одиночей некуда, если такое возможно. 6 утра и дождь, и я сел на аэропортовый автобус в город, поближе к *Les Invalides*³, потом на такси под дождем, и я спросил у шофера, где тут гробница Наполеона, потому что знал, она тут где-то рядом, не то чтоб важно, однако после периода, как я его воспринял, хмурого молчанья он наконец ткнул пальцем и сказал «là» (там).

У меня все чесалось, так хотелось посмотреть *Sainte Chapelle*⁴, где Святой Луи, король Франции Людовик IX, установил кусок Истинного Креста. Мне так и не удалось даже близко, только десять дней спустя, пролетая мимо в такси Реймона Байе, и он про нее упомянул. Еще не терпелось мне посмотреть церковь *St Louis de France* на острове Святого Людовика в речке Сене, потому что так называется церковь, где меня крестили в Лоуэлле, Массачусетс. Когда я наконец до нее добрался и посидел со шляпой в руке, глядя, как парни в красных куртках дуют с алтаря в длинные трубы, на орган наверху, красивые средневековые *cansòs*, они же кантаты, от которых у

Генделя слюнки текут, как вдруг мимо проходит женщина с детишками и мужем и кладет двадцать сантимов (4¢) в мою бедную измученную непонятую шляпу (которую я держал кверху тормашками от благоговения), поучить их *caritas*, оно же милости с любовью, что я принял, дабы не смущать ее учительских инстинктов, либо детишек, а мама моя дома во Флориде сказала: «Чего ж тогда ты не положил эти двадцать сантимов в ящик для бедных», о чем я забыл. Недостаточно, чтобы о них призадуматься, а кроме того, первым делом, оказавшись в Париже, после того, как вымылся в своем гостиничном номере (с большой круглой стеной внутри, за нею колодец трубы, наверное), я дал франк (20¢) французской нищенке прыщавой, говорившей «*Un franc pour la Française*» (Франк французенке), а потом еще дал франк нищему дядьке в Сен-Жермен, коему потом заорал: «*Vieux voyou!*» (Старый хулиган!), а он рассмеялся и говорит: «Что? Хули-ган?» Я говорю «Да, ты старого французского канадца не проведешь» и сегодня интересно вот, обиделся ли он, потому что на самом деле я хотел сказать «*Guenigiou*» (старьевщик), а вылетело «*voyou*».

Guenigiou и есть.

(Старьевщик надо писать «*guenillou*», но не так оно выходит на 300-летнем французском, который сохранился нетронутым в Квебеке, и его по-прежнему понимают на улицах Парижа, не говоря уж о сеновалах Севера.) Там по ступенькам этой великолепной огромной церкви *La Madeleine*⁵

спускался величавый старый бродяга в полной бурой мантии и с седой бородой, не грек и не патриарх, просто, быть может, какой-нибудь старый член Сирийской Церкви; либо так, либо сюрреалист оттягивается смеху ради? Не-е.

³ Дом Инвалидов (фр.).

⁴ Святая капелла (фр.).

⁵ Св. Мария Магдалина (фр.).

4

Первое поперву.

Алтарь в церкви Мадлен — великанский мраморный скульпт ее (Марии Магдалины), громадный, как городской квартал, и окружен ангелами и архангелами. Руки она простирает в жесте Микелангелическом. У ангелов каплют здоровенные крылья. Все это длиной в целый городской квартал. Долгое узкое здание церкви, как мало что странное. Никаких шпилей, никакой готики, но, наверное, в стиле греческих храмов. (Вы чего на свете ради ожидали бы, или же ожидали, что я попрусь смотреть на Эйфелеву башню, сделанную из стальных ребер Баки Бакмастера и озона? Ну тощища же тащиться в лифте и хандрить оттого, что забрался на четверть мили в воздух, а? Я уже так проделывал с «Хэшпайрстейт-билдинг» ночью в тумане с моим редактором.) Такси привезло меня в гостиницу, которая была швейцарским пансионом, наверное, но ночной портье оказался этрусском (то же самое), а горничная на меня взъелась, потому что дверь и чемодан свои я держал на замке. Дама, управлявшая гостиницей, была недовольна, когда я ознаменовал свой первый вечер диким сексбалом с женщиной моих лет (сорока трех). Ее настоящего имени я сообщить не могу, но это одно из старейших имен во французской истории, гораздо раньше Карла Великого, а он был Пипин. (Князь

Франков.) (Происхождением от Арнульфа, *L'Évêque*⁶ Мецского.) (Вообразите, что надо сражаться с фризами, алеманнами, баварцами да еще и маврами.) (Внук Плектруды.) В общем, старушка была дичайшей давалкой из вообразимых. Как мне вдаваться в такие туалетные подробности. Я от нее в какой-то момент прям щеками заалел. Надо было ей сказать, чтоб башку в «*poizette*» засунула, но разумеется (так по-старофранцузски туалет) она была неопишимо восхитительна. Я с нею познакомился в гангстерском неурочном баре на Монпарнасе, пока гангстеров вокруг не было. Она меня покорила. Кроме того, она хочет за меня замуж, естественно, раз я великолепный даровитый сопостельник и приятный парень. Я ей дал \$120 сыну на образование, либо на какую-то новостарую местечковую обувь. Мой бюджет она только так подорвала. Денег у меня еще хватало продержаться следующий день и купить «*Livres des Snobs*»⁷ Уильяма Мейкписа Тэкери на *Gare St-Lazare*⁸. Вопрос не в деньгах, а в душах, что хорошенько увеселяются. В старой церкви Сен-Жермен-де-Пре в тот следующий день я видел нескольких Парижских Француженок — они практически рыдали, молясь под старой кровозапятнанной и дождезамутненной стеной. Я сказал «*Ah ha, le femmes de Paris*»⁹ и узрел величие Парижа в том, что он может оплакивать недомыслия Революции и в то же время радоваться, что они избавились от всей этой долгоносой знати, коей я

потомок (Принцев Бретани).

⁶ Епископ (фр.).

⁷ «Книги снобов» (фр.).

⁸ Вокзал Сен-Лазар (фр.).

⁹ Парижские женщины (фр.).

5

Шатобриан был поразительный писатель, которому хотелось ранних старых любовных романов высшего порядка, нежели тот, что ему предписывал Орден в 1790 году во Франции — он желал чего-то из средневековой *vignette*¹⁰, чтоб какая-нибудь молодая деваха подошла на улице и посмотрела ему прямо в глаза, с лентами и бабушкиным шитьем, и той же ночью дом бы сгорел. Мы с моей Пипиной поимели свой междусобойчик для поправки здоровья в тот или иной миг моего очень спокойного пьянства, и я был удовлетворен, а на следующий день видеть ее больше не хотел, потому что ей подавай еще денег. Сказала, что прогуляет меня по городу. Я ей сообщил, что она мне должна еще несколько сдельщин, раундов, капелек и чуточек.

«*Mais oui*»¹¹.

Но я позволил этруску отпудрить ее по телефону.

Этрусск был педерастом. К коим у меня нет интереса, но \$120 — это как-то чересчур. Этрусск сказал, что он Горный Итальянец. Мне наплевать и неведомо, педераст он или нет, вообще-то, и не стоило так говорить, но парнишка он ничего. После чего я вышел наружу и напился. Мне предстояло встретить кое-кого из самых хорошеньких женщин на свете, но с делами постельными покончено, потому что нажирался я достопоудлинно в жвак.

10 Зд.: иллюстрация (фр.).

11 Ну да (фр.).

6

Трудно решить, что рассказывать в истории, и я, похоже, вечно стараюсь что-то доказать, зпт, про свой пол. Не стоит об этом. Просто мне иногда становится до ужаса одиноко, общества женщины б, чтоб лязгфигачила его.

И вот я весь день провожу в Сен-Жермене, ищу совершенный бар и нахожу его. «*La Gentilhommiere*»¹² (*Rue St Andre des Arts*, которую мне показал жандарм) — Бар Благовоспитанной Дамы — И какого благовоспитания можно добиться мягкими светлыми волосами, сплошь обрызганными позолотой, и аккуратненькой фигуркой? «О вот бы мне быть смазливый», говорю я, но они все меня уверяют, что я смазлив — «Ладно, тогда я грязный старый пьяница» — «Ну как скажешь» — Я тарашусь ей в глаза — Выписываю ей двойной удар сострадания голубыми глазами — На него она ведется.

Входит девочка-подросток, арабка из Туниса или - Алжира, с плавным горбатым носиком. Я из ума выживаю, поскольку меж тем обмениваюсь сотней тысяч французских любезностей и разговоров с Негритянской Принцессой из Сенегала, Бретонскими поэтами-Сюрреалистами, *boulevardiers*¹³ в идеальных нарядах, распутными гинекологами (из Бретани), греческим ангелом-кабатчиком по имени Зорба, а

хозяин — Жан Тассар, невозмутимый и спокойный у своей кассы, выглядит смутно развращенным (хотя на самом деле тихий семейный человек, которому просто свезло походить на Руди Ловэла, моего старого корешка из Лоуэлла, Массачусетс, у которого в четырнадцать была такая вот репутация из-за многих его *amours*¹⁴, а также он носил тот же парфюм неотразимости). Не говоря уж о Даниэле Маратра, другом кабатчике, некоем чудном высоком еврее или арабе, в общем, семит он, чье имя звучит трубами под стенами Гранады: и благовоспитанней доглядчика за баром нигде не увидишь.

В баре такая женщина, милая сорокалетняя рыжая испанка, *amoureuse*¹⁵, которая мной как-то по-настоящему проникается, хуже того — и принимает меня всерьез, и на самом деле назначает нам свидание, чтобы встретиться наедине: я напиваюсь и забываю. Из динамика льется нескончаемый американский современный джаз с пленки. Чтоб как-то оправдаться за то, что забыл встретиться с Валарино (рыжей испанской красавицей), я покупаю ей на *Quai* гобелен, у юного голландского гения, десятка (у голландского гения, чье имя по-голландски, Бере, по-английски означает «причал»). Она объявляет, что переделает всю свою комнату из-за него, но к себе меня не приглашает. Что я бы с нею сделал, в сей Библии будет непозволительно, однако читалось бы оно ЛЮБОВЬ.

Я так злюсь, что иду в кварталы блядей. Вокруг роится миллион апашей с кинжалами. Захожу в

вестибюль и вижу трех дам ночи. Со злонамеренной английской ухмылкой объявляю «*Sh'prend la belle brunette*» (Беру хорошенькую брюнетку) — Брюнетка протирает глаза, горло, уши и душу и говорит «Хватит уже с меня такого». Я с топотом удаляюсь и вынимаю свой ножик Швейцарской Армии с крестом на нем, ибо подозреваю, что за мной следят французские гоп-стопщики и бандиты. Сам себе палец порезал и кровью все вокруг залил. Возвращаюсь к себе в гостиничный номер, заляпав кровью весь вестибюль. Швейцарка теперь меня спрашивает, когда я уже съеду. Я отвечаю «Уеду, как только удостоверю свою семью в библиотеке». (А про себя добавляю: «Да что ты знаешь про *les Lebris de Kerouacks* и девиз их Люби Страдай и Трудись, тупая ты старая Буржуазная кошелка».)

¹² Дворянская усадьба (фр.).

¹³ Фланеры, завсегдагаи Больших бульваров (фр.).

¹⁴ Любви (фр.).

¹⁵ Влюбчивая, похотливая (фр.).

7

И вот я иду в библиотеку, *la Bibliothèque Nationale*¹⁶, проверить список офицеров в Армии Монкальма, 1756, Квебек, а также словарь Луи Морери, а также *Père*¹⁷ Ансельма и т. д., всю информацию о королевском доме Бретани, а этого там вообще нет, и наконец в Библиотеке Мазарини старая милая мадам Ури, главный библиотекарь, терпеливо объясняет мне, что нацисты разбомбили и сожгли все их французские бумаги в 1944-м, а я про это в своем рвении позабыл. И все равно чую в Бретани что-то подозрительное — Явно же де Керуак должен быть где-то во Франции записан, если его уже записали в Британском музее в Лондоне? — Я ей это говорю — *Bibliothèque Nationale* нельзя курить даже в туалете и слова поперек не вставишь секретаршам, и там национальная гордость «учеными», что сидят все и списывают из книжек, а Джона Монтгомери и на порог не пустят (Джон Монтгомери, который забыл спальник, забираясь на Маттерхорн, а в Америке он лучший библиотекарь и ученый, сам англичанин) — Тем временем нужно возвращаться и посмотреть, как там поживают благовоспитанные дамы. Таксист у меня Ролан Сан-Жанн-д'Арк де ла Пуселль, и он мне рассказывает, что все бретонцы «тучны», как я. Дамы целуют меня в обе щеки по-французски. Бретонец по фамилии Гуле со мной напивается, молодой, двадцать

один, голубые глаза, черные волосы, и вдруг хватает Блондинку и ее пугает (а другие парняги подстраиваются), чуть не насилует, чему я и другой Жан, Тассар, кладем конец: «Ладно тебе!» «*Arrête!*»¹⁸ — «Остынь», прибавляю я.

Она слишком прекрасна, неопишимо. Я сказал ей «*Tu passé toutes la journee dans maudite* салоне красоты?» (Ты весь день торчишь в чертовом салоне красоты?) «*Oui*»¹⁹.

Меж тем я спускаюсь в знаменитые кафе на бульваре и сижу там, глядя, как мимо течет Париж, такие хепаки молодые люди, мотоциклы, заезжие пожарники из Айовы.

¹⁶ Национальная библиотека (фр.).

¹⁷ Отец (фр.).

¹⁸ Хватит (фр.).

¹⁹ Да (фр.).

8

Арабская девочка идет со мной на свиданье, я приглашаю ее посмотреть и послушать исполнение Моцартова «Реквиема» в старой церкви Сен-Жермен-де-Пре, о котором узнал из предыдущего своего визита и увидел плакат с его объявлением. Там полно людей, толпа, мы платим у двери и входим в явно самое *distingue*²⁰ сборище в Париже в этот вечер, и, как я говорю, снаружи туманится, а ее носик мягким крючком располагает под собой розовые губки.

Я учу ее Христианству.

Погодя мы с ней обнимаемся немного, и она идет домой к родителям. Хочет, чтоб я взял ее с собой на пляж в Тунис, интересно, меня заколют арабы, ревнивые на пляже Бикини, а в ту неделю Бумедьенн заместил и замесил Бен Беллу и ничего себе там заварушка наверняка, а у меня, к тому ж, теперь нет денег, и интересно, зачем ей это:- Мне говорили, где балдеть на пляжах Марокко.

Ну просто не знаю.

Думается мне, женщины меня любят, а потом понимают, что я пьян всем белым светом, и от этого вынуждены осознать, что я не могу сосредоточиться только на них, надолго, от этого ревнуют, а я дурень, Влюбленный в Бога. Да.

Кроме того, распутство не мой антрекот, я от него краснею:- все зависит от Дамы. Она была не в моем

стиле. Французская блондинка была в моем, но слишком для меня юна.

В грядущие времена меня будут знать как дурня, что поперся в Монголию верхом на пони: Чингисхан, он же Монгольский Идиот, *этот вот*. Ну а я не идиот, и дамы мне нравятся, и я любезен, но неполитесан, как Ипполит, кузен мой из России. Старый автостопщик в Сан-Франциско, прозваньем Джо Ихнат, провозгласил, что у меня древнее русское имя, означающее «Любовь». Керуак. Я сказал «Значит, они отправились в Шотландию?»

«Да, потом в Ирландию, потом в Корнуолл, Уэльс, и Бретань, потом остальное ты знаешь».

«Русское?»

«Значит Любовь».

«Шутишь».

— О и потом я понял, «конечно, из Монголии и от Ханов, а до этого, Эскимосов Канады и Сибири. Все возвращается вокруг света, не говоря уже о Переселяющей-Мысль Персии». (Арийцы.)

В общем, я с бретонцем Гуле отправился в зловредный бар, где сотня разнообразных парижан жадно слушали крупную свару между белым человеком и черным человеком. Я свинтил оттуда быстро и оставил его на произвол его судьбы, снова с ним встретился в «*La Gentilhommière*», что-то от драки, должно быть, вылилось наружу, либо же, нет, меня там не было.

Лютеция городок лютый.

20 Благовоспитанное, элегантное (фр.).

9

Суть же дела в том, что как ты можешь быть Арийцем, когда ты Эскимос или Монгол? У старика Джо Ихната в голове сплошь бурые говешки, если речь не о России. Старика Джо Толстого надо было подбирать.

Зачем о таком талдычить? Потому что моей учительницей начальных классов была мисс Динин, которая теперь Сестра Мария Св. Иакова в Нью-Мексико (Иаков был сыном Марии, как Иуда), и она писала: «Джека и сестру его Кэролин (*Ti Nin*²¹) я хорошо помню как дружелюбных, покладистых детей с необычайным обаянием. Нам говорили, что родня их произошла из Франции, а фамилия их была де Керуак. Мне всегда казалось, что в них есть достоинство и утонченность аристократии».

Я это поминаю показать, что манеры на белом свете еще сохранились.

Мои же манеры, по временам отвратительные, могут быть милы. С возрастом я стал пьяню. Отчего? Оттого, что мне нравится экстаз рассудка.

Я Убог.

Но люблю любовь.

(Странная глава)

21 Малютка Нин (*журнал*).

10

Не только это, но и выспаться ночью во Франции не удастся, такие они вшивые и шумные в 8 утра, орут из-за свежего хлеба так, что Мерзость рыдает. Держи-бери. Их крепкий горячий кофе, и *croissants*²², и хрусткий французский хлеб, и бретонское масло, Божже, где мое эльзасское пиво?

Пока искал библиотеку, кстати, жандарм на *Place de la Concorde*²³ мне сказал, что *rue de Richelieu* (улица с Национальной библиотекой) это туда, показав, а из-за того, что он был при исполнении, я побоялся сказать «Что?.. НЕТ!» поскольку сам знал, что она где-то совсем в другую сторону — Вот вам какой-то сержант или еще кто, явно же должен знать парижские улицы, чтоб слать американского туриста незнамо куда. (Или он полагал, будто я умник-француз, его разыгрываю? поскольку французский у меня *французский*) — Но нет, он показывает в сторону одного из зданий безопасности де Голля и отправляет меня туда, может, думая «Вот тебе и Национальная Библиотека, ха ха ха» («может, они эту квебекскую крысу пристрелят») — Кто знает? Любому парижскому пожилому жандарму полагается знать, где рю де Ришельё — Но, думая, что вдруг он прав, а это я ошибся, изучая еще дома карту Парижа, я и впрямь иду, куда он показал, боясь идти куда-либо еще, и двигаюсь по верхнему наплыву *Champs-*

*Elysees*²⁴, после чего срезаю по сырому зеленому парку и через рю Габриэль к тылам какого-то внушительного правительственного здания, где вдруг вижу будку часового и из нее делает шаг караульный при всех регалиях Республиканской Гвардии (как Наполеон в какадуйской шляпе), и становится по стойке смирно, и штык свой держит на краул, но на самом деле не из-за меня, а из-за внезапного черного лимузина, набитого телохранителями и парнями в черных костюмах, которым отдают честь и другие караульные, и они мчат дальше — Я гуляючи прохожу мимо часового штыка и вынимаю свой пластмассовый портсигар для сигарет «Верблюд» прикурить бычок — Тут же два прогуливающиеся жандарма минуют меня в другую сторону, поглядывая на малейшее мое движение — Выясняется, что я всего-навсего бычок прикуриваю, но поди угадай? *пластик* и все такое — И что за великолепная непроницаемая охрана вокруг самого дворца могучего старины де Голля, который в нескольких кварталах отсюда.

Я иду в бар на углу выпить в одиночестве коньяку за прохладным столиком у открытой двери.

Бармен там очень вежливый и рассказывает мне, как именно добраться до библиотеки: прямо по Сент-Оноре, потом через площадь Согласия и затем по рю Риволи к самому Лувру, и слева по Ришельё к Библиотеке, чтоб ее лязгфигачило.

Так как американскому туристу, который не говорит по-французски, вообще тут передвигаться? Тем паче мне?

Чтоб узнать название самой улицы с караульной будкой, придется выписать себе карту у ЦРУ.

²² Рогалики (фр.).

²³ Площадь Согласия (фр.).

²⁴ Елисейские Поля (фр.).

11

Странная строгая местечковая по стилю библиотека, *la Bibliotheque Nationale* на рю де Ришельё, с тысячами ученых и миллионами книг, и странными помощниками библиотекарей с метлами Учителей Дзэна (вообще-то, французскими фартуками), которых в ученом или писателе восхищает хороший почерк прежде всего — Тут чувствуешь себя американским гением, сбжавшим от правил *Le Lycee* (Французская Старшая Средняя Школа).

Мне всего-то и нужно было, что: «*Histoire généalogique de plusieurs maisons illustres de Bretagne, enrichie des armes et blasons d'icelles...*»²⁵ и т. д. некоего *Fr Augustine Du Paz*²⁶, Париж, «Н. Буон», 1620, фолио *Lm² 23 et Rés. Lm 23*.

Думаете, обрел? Вот уж вам —

А кроме того, я хотел:- *Pere Anselme de Sainte Marie. (nePierre de Guibours)*²⁷, его «*Histoire de la maison royale de France, des puits, grands officiers de la couronne et de la maison du roy et des anciens barons due royaume*», П. Р. Ансельм, Париж, «Э. Луазон», 1674, *Lm³ 397*, («История королевского дома Франции, а также великих офицеров короны и правящего дома, и древних баронов королевства»), все это мне приходится как можно аккуратнее выписать на

визитные карточки, и старый парняга в переднике сказал старой даме-библиотекарше «Хорошо написано» (в смысле разборчивости почерка). Конечно, все они унюхали от меня спиртное и решили, будто я псих, но видя, что я знаю, что и как запрашивать про определенные книги, все ушли в глубину к огромным пыльным папкам и полкам высотой до крыши, и, должно быть, подтаскивали там лестницы такой высоты, что Финнегану впору снова падать, да и с бóльшим грохотом, чем тот, что в Навий День Финнеганов, этот потому как грохот имени, достоподлинного имени, кое Индийские Буддисты дали Татхагате, он же минователь-проездом Эона Придавсаны больше, чем Несчислимыe Эоны назад:- Вот оно какое, Финн:-

ГАЛАДХАРАГАРГИТАКГХОШАСУСВАРАНАКИ

Вот я про это поминаю, дабы показать, что, не ведай я библиотек, а в особенности величайшую библиотеку на свете, Нью-Йоркскую Публичную, где я, среди тысяч прочих вещей, на самом деле срисовал это длинное санскритское имя в точности, как оно там написано, так чего ради ко мне относятся с подозрением в Парижской Библиотеке? Конечно, я уже не молод, и «спиртным пахнет», и даже заговариваю с интересными еврейскими учеными в библиотеке (некто Эли Фламан списывает заметки к истории искусства Возрождения, любезно помогал мне, как мог), все равно не знаю, они вроде и впрямь решили, что я псих, когда увидели, что я спрашиваю, а я это списал из их же *неправильных* и неполных папок,

не целиком что я вам выше показал про *Pere Ансельма*, как написано в совершенно правильных папках Лондона, как я впоследствии обнаружил, где национальные архивы не уничтожило пожаром, увидели, чего я прошу, что не соответствовало подлинным названиям старых книг, которые хранятся у них в недрах, и когда увидели, что моя фамилия Керуак, но перед нею стоит «Джек», как будто я Иоганн Мария Филипп Фримон фон Палота, ни с того ни с сего приперся с острова Стейтен в Венскую Библиотеку и подписывается моим именем на визитных карточках как Джонни Пелота и просит Херготтову «*Genealogia augustae gentis Habsburgicae*»²⁸ (название неполное), а имя мое пишется не «Палота», как должно, ровно так же, как настоящее мое имя должно писаться «*Kerouack*», но и старый Джонни, и я, мы сквозь столько столетий генеалогических войн прошли, и гербовых гребешков, и какаду, и геральдического красного, и турниров с Фицуильямзами, фу — Не важно.

А кроме того, все это слишком уж давно и никудышно, если не можешь отыскать в полях настоящие семейные памятники, как со мной, я пойду заявлять свои права на чертовы дольмены Карнака? Или пойду присваивать корнский язык, который называется Кернуак? Или какой-нибудь старый утесный замок в Кенедьяке в Корнуолле, либо какой-нибудь из «сотен», называемых Керриер в Корнуолле? Или сам *Cornouialles* за пределами Кимпера и Керуаля? (Бретань уж там.) В общем, как бы то ни

было, я пытался найти всякое про свою старую семью, я был первый Лебри де Керуак, кто вообще за 210 лет вернулся во Францию разбираться, и я планировал отправиться дальше в Бретань и Корнуолл, Англия (края Тристана и Короля Марка), а потом намеревался двинуть в Ирландию и найти там Изольду и, как Питер Селлерз, получить в дыню в дублинском пабе.

Курам на смех, но я так осчастливился коньяком, что не прочь был попытаться.

Вся библиотека стонала от накопившихся свалок столетий архивированных причуд, как будто приходилось, как ни верти, архивировать причуды в Старом или Новом Свете, вроде моего чулана с его невероятными свалками набившихся старых писем тысячами, книг, пыли, журналов, детских бейсбольных счетов, от подобных коим, когда как-то ночью пробудился после чистого сна, я застонал, подумав, вот что я делаю со своими часами бденья: отягощаю себя хламом, который ни мне самому, ни кому-либо еще, вообще-то, не понадобится и не вспомнится в Небесах.

В общем, пример моих напастей в библиотеке. Тех книжек мне не вынесли. Стоило открыть их, думаю, они бы с треском распались. Мне вот чего надо было сделать — сказать той главной библиотекарше: «Я вас в подкову забью и подарю лошади, чтоб носила в Битве при Чикамоге».

²⁵ «Генеалогическая история нескольких прославленных домов Бретани, украшенная геральдическими щитами и гербами оных...» (фр.)

²⁶ Бр[ат] Огюстен Дю Паз (фр.).

²⁷ Отец Ансельм Святой Марии (урожденный Пьер де Гибур) (фр.).

²⁸ «Генеалогия августейшего дома Габсбургов» (лат.).

12

Меж тем, я всех спрашивал в Париже «Где похоронен Паскаль? Где кладбище Бальзака?» Кто-то мне наконец сказал, что Паскаля наверняка должны были похоронить за городом в Пор-Руайяле, подле его благочестивой сестры, янсенисты, а что касается Бальзакова кладбища, мне ни на какие погосты в полночь переться не хотелось (*Pere Lachaise*), да и все равно когда мы гнали вперед в диком такси в 3 часа ночи возле Монпарнаса, они завопили «Вон твой Бальзак! Его статуя на площади!»

«Остановите такси!» и я вылез, смахнул с головы шляпу в размашистом поклоне, увидел статую, смутно-серую в пьяном туманье улиц, и на этом все. И как я бы нашел дорогу в Пор-Руайяль, если я едва гостиницу свою опять отыскивал?

А кроме того, их там вовсе и нету, лишь их тела.

13

Париж такое место, где можно по-настоящему разгуливать по ночам и отыскивать такое, чего тебе и не надо, О Паскаль.

Пытаясь добраться до Оперы, сотня машин неслась из-за слепого изгибугла, и я, как все остальные пешеходы, ждал, давая им проехать, а они затем все рванули на ту сторону, а я еще несколько секунд обождал, оглядывая другие несущиеся машины, все ехали с шести разных сторон — Потом сосступил с бордюра, и из-за этого изгиба вывернула машина, одна-одинешенька, как гонщик, идущий последним в Монакском заезде, и прямо на меня — Отступил я как раз вовремя — За рулем француз, совершенно уверенный, что ни у кого больше нет права жить или мчать к своей любовнице с его скоростью — Как ньюйоркчанин, я бегу, увертываясь от привольно сквозящего ревущего потока машин Парижа, а вот парижане просто стоят, а потом гуляют себе, и всё оставляют на долю водителя — И ей-богу получается, я видел, как десятки машин с визгом тормозят с семидесяти миль/ч, чтобы мог пройти какой-нибудь гуляка!

Я шел в Оперу также поестъ в каком угодно ресторане, что глянулсѧ бы, то был один из моих трезвых вечеров, посвященных одиноким вдумчивым прогулкам, но О что за мрачные дождливые

готические зданья, и я такой иду по самой середине тех широких тротуаров, чтоб избежать темных дверных проемов — Что за просторы Ночи Нигдешнего Города, и шляп, и зонтиков — Я даже газету не мог купить — Тысячи людей выходили откуда-то с какого-то представления — Я зашел в переполненный ресторан на *Boulevard des Italiens*²⁹ и сел далеко в конце у стойки бара сам по себе на высокий табурет и смотрел, весь мокрый и беспомощный, как официанты замешивали сырой гамбург с вустерским соусом и всяким прочим, а другие официанты спешили мимо, держа повыше курящиеся подносы доброй еды — Один сочувственный приказчик принес меню и эльзасское пиво, что я заказал, и я велел ему немного обождать — Этого он не понял, пить, а есть не сразу, ибо он соучастник тайны чарующих французских едоков:— те в самом начале спешат с *hors d'oeuvres*³⁰ и хлебом, а затем ныряют в свои блюда (это практически всегда еще перед даже глотком вина), и только после этого сбавляют ход и давай тянуть вола, теперь вот вино промыть рот, вот беседа, а вот и вторая половина трапезы, вино, десерт и кофе, я так просто не могу.

Как бы там ни было, я пью себе второе пиво и читаю меню, и замечаю парня-американца, сидит от меня в пяти табуретах, но на вид такой гад в этом своем абсолютном отвращении к Парижу, что я боюсь спросить «Эй, вы американец?» — Он приехал в Париж, рассчитывая, что окажется под вишнею в цвету на солнышке, а на коленях у него хорошенькие

девчонки, и народ вокруг танцует, а вместо этого бродит по дождливым улицам один во всем этом аргю, не знает даже, ни в каком квартале бляди, ни где Нотр-Дам, или какая-нибудь кафешка, о которой ему рассказывали еще в баре Гленнона на Третьей авеню, *ничего* — Когда за сэндвич платит, буквально швыряет деньги на прилавок «Вы все равно не помогаете мне понять, сколько это на самом деле стоит, а кроме того засуньте это себе сами-знаете-куда, а я поехал к себе обратно к своим старым минированным противолодочным сетям в Норфолк и напиться с Биллом Эверсоулом у букмекера, и к прочим штукам, про которые вы, тупые лягушки, и слыхом не слыхивали», и гордо вываливает оттуда в недопонятом дождевике и разочарованных галошах — Потом входят две американские школьные учительницы из Айовы, сестры в грандиозном путешествии в Париж, очевидно, они сняли номер в гостинице за углом и не выходили из него, разве что сесть в экскурсионные автобусы, которые подбирали их у дверей, но этот ближайший ресторан им известен, и они только спустились сюда купить себе пару апельсинов завтра на утро, потому что во Франции апельсины, похоже, только «валенсии», импортные из Испании и слишком дороги для чего угодно жадного, вроде простого *разговления* после *поста*. Поэтому, к своему изумленью, я слышу первые чистые колокольные ноты американской речи за неделю: «У вас тут апельсины есть?»

«*Pardon?*»³¹ — приказчик.

«Вон они в том стеклянном ящике», говорит другая девка.

«Окей — видите?», показывая, «два апельсина», и выставляет два пальца, а приказчик вынимает два апельсина и кладет их в кулек, и говорит хрустко через горло с этими арабскими парижскими «р»: — «*Trois francs cinquante*»³². Иными словами, 35¢ за апельсин, но старушкам все равно, сколько стоит, а кроме того, они не понимают, что он сказал.

«*Это что еще значит?*»

«*Pardon?*»

«Ладно, я в руке вам дам, а вы сами забирайте из нее свои кво-ква-кварки, нам просто апельсинов надо» и две дамы разразились приступами визгливого хохота, будто на крылечке, а кошка вежливо изымает у нее с ладони три франка пятьдесят сантимов, оставив сдачу, и они выходят — повезло, что не одиноки, как тот американский парняга — У своего приказчика я спрашиваю, что тут по-настоящему хорошо, и он говорит Эльзасская *Choucroute*³³, кою и приносит — Это просто «горячие собаки», картошка и *sauerkraut*³⁴, но «собаки» тут такие, что жуются, как масло, и вкус у них нежный, как букет вина, масла и чеснока, приготовленных все вместе и выплывающих из дверей кухни этого кафе — Квашеная капуста не лучше, чем в Пенсильвании, картошка у нас от Мэна до Сан-Хосе, но О да, я забыл:- со всем с этим, поверх, причудливая мягкая полоска бекона, которая вообще как ветчина и самолучшая закуска.

Я приехал во Францию не делать ничего, только

ходить, и есть, и это была моя первая еда и последняя, десять дней.

Но возвращаясь к тому, что я сказал Паскалю, покидая этот ресторан (заплатив 24 франка или почти \$5 за это простое блюдо), я услышал вой с дождливого бульвара — Маниакальный алжирец обезумел и орал на всех и вся, и держал что-то, чего я не разглядел, очень маленький ножик или предмет, или заостренное кольцо, или что-то — Пришлось остановиться в дверях — Люди спешили мимо, напуганные — Я не хотел, чтоб он видел, как я спешу прочь — Вышли официанты, стали смотреть со мной — Он шел к нам, тыча в наружные плетеные кресла по пути — Мы с метрдотелем спокойно посмотрели друг другу в глаза, как бы говоря «Мы вместе?» — Но мой приказчик заговорил с безумным арабом, который на самом деле оказался светловолос и, вероятно, полуфранцуз, полуалжирец, и у них сложилось нечто вроде беседы, а я обогнул их и отправился домой под уже проливным дождем, пришлось такси ловить.

Романтические дождевики.

²⁹ Бульвар Итальянцев (фр.).

³⁰ Закуски (фр.).

³¹ Прошу прощения? (фр.)

³² Три франка пятьдесят (фр.).

³³ Кислая капуста (фр.).

³⁴ Квашеная капуста (нем.).

14

У себя в номере я посмотрел на свой чемодан, так умно сложенный для этой большой поездки, идея которой зародилась вся накануне зимой во Флориде, пока я читал Вольтера, Шатобриана, де Монтерлана (чья последняя книга даже сейчас еще выставлялась в витринах Парижа, «Одинокий странник — это дьявол») — Изучал карты, планировал везде походить, поесть, найти родной город предков в Библиотеке, а затем отправиться в Бретань, где он располагается и где море несомненно омывает скалы — План мой был, после пяти дней в Париже, поехать в тот трактир на море в Финистере и выйти в полночь в дождевике, шляпе-зюйдвестке, с блокнотом и карандашом, и с большим пластиковым пакетом, чтобы в нем писать, т. е. совать внутрь пакета руку, карандаш и блокнот и писать насухо, пока на всего остального меня льет дождь, записывать звуки моря, часть два поэмы «Море», которую озаглавлю: «МОРЕ, Часть Два, Звуки Атлантики в X, Бретань», либо под Карнаком, либо Конкарно, либо *Pointe de Penmarche*³⁵, либо Дуарнёне, либо Плузэмедо, либо Брест, либо Сен-Мало — Там, в моем чемодане, пластиковый пакет, два карандаша, запасные грифели, блокнот, шарф, свитер, дождевик в шкафу, и теплые ботинки —

Теплые ботинки еще б, я также привез с собой из Флориды ботинки с кондиционированием воздуха,

предвкушая долгие жаркосолные прогулки по Парижу, и ни разу их не надел, «теплые ботинки» только и носил все это благословенное время — В парижских газетах люди жаловались на месяц непрерывного дождя и холода весь конец-мая и начало-июня по всей Франции, который вызвали ученые, что-то ковыряющие в погоде.

И моя походная аптечка первой помощи, и варежки на раздумья хладной полночью на бретонском берегу, когда с письмом покончено, а также всякие причудливые спортивные рубашки и лишние носки, которых мне в Париже и надеть-то не пришлось, не говоря уже про Лондон, куда я тоже планировал поехать, я уж молчу про Амстердам и Кёльн потом.

Я уже скучал по дому.

Однако книжка эта — доказать, что, сколько б ни странствовал, как ни «успешен» твой вояж либо укорочен, ты всегда чему-нибудь научишься и научишься передумывать.

Как обычно, я просто сосредоточил все в одном насыщенном, но натысяченном «А-га!»

15

К примеру, на следующий день после хорошего сна, и я весь начисто опять прихорошился, встречаю еврейского композитора или что-то вроде из Нью-Йорка, с его невестой, и я им отчего-то понравился, да и все равно им тут одиноко, и мы вместе поужинали, притом я не сильно что-то ел, поскольку снова приналег на чистый коньяк — «Пойдемте за угол и посмотрим кино», говорит он, что мы и делаем после того, как я поговорил с полдюжины рьяных французских разговоров с парижанами по всему ресторану, а кино оказывается последними несколькими сценами О’Тула и Бёртона в «Бекете», очень хорошее, особенно их встреча на пляже на лошадях, и мы прощаемся — Опять-таки, захожу в ресторан прямо напротив «*La Gentilhommiere*», высоко мне отрекомендованный Жаном Тассаром, клянясь себе, что на сей раз возьму полный парижский ужин с блюдами — Вижу, как тихий человек черпает ложкой роскошный суп в огромной плошке через проход от меня, и заказываю себе, сказав «Тот же суп, что и у месье». Оказывается, он рыбный с сыром и красным перцем, острым, как мексиканские перцы, обалденный и *розовый* — К нему я беру свежий французский хлеб и плюхи масла с маслбойни, но когда они готовы принести мне *антре* из курицы, запеченной и политой шампанским, а затем зажаренной в шампанском, и

лососевое пюре на гарнир, анчоусы, *грюйер*, и маленькие нашинкованные огурчики и крохотные помидорчики, красные, как вишни, а за ними, ей-богу, натуральные свежие вишни на десерт, все *mit*³⁶ вином виноградной лозы, я вынужден извиниться, что не могу даже помыслить о том, чтобы после всего вот этого съесть что-нибудь еще (желудок мой уже усох, сбросил пятнадцать фунтов) — А тихий джентльмен с супом приступает к жареной рыбе, и мы на самом деле принимаемся болтать с ним через весь ресторан, и выясняется, что он торговец искусством, который продает Арпов и Эрнстов за углом, знает Андре Бретона и хочет, чтобы я завтра навестил его лавку. Изумительный человек, и еврей, а беседу нашу мы ведем по-французски, я даже ему говорю, что «р» по языку катаю, а не в горле, потому что происхожу из средневековой французской квебекской-через-Бретань породы, и он соглашается, признавая, что современный парижский французский, хоть и щегольской, но и впрямь изменился притоком немцев, евреев и арабов все эти два века, не стоит и говорить о влиянии хлыщей при дворе Людовика Четырнадцатого, с которых все и началось на самом деле, а я также ему напоминаю, что настоящее имя Франсуа Вийона произносилось «Вилль Ён», а не «Вийон» (что есть искажение), и что в те дни говорилось не «*toi*» или «*moi*»³⁷, а скорее «*twe*» или «*mw*» (как мы до сих пор в Квебеке делаем, а через два дня я услышал то же самое в Бретани), но в итоге я его предупредил, завершая свою чарующую лекцию

через весь ресторан, которую люди слушали, отчасти развлекаясь, отчасти внимательно, что *имя* Франсуа произносилось все же Франсуа, а не Франсуэ, по той простой причине, что писал он его «*François*», как Король пишется «*Roy*», и к «ой» никакого отношения не имеет, и услышь Король когда-нибудь, что это произносится «*rouwe (rwe)*», он бы не пригласил тебя на танцы в Версаль, а задал тебе *roue*³⁸ с капюшоном на голове, чтоб разобраться с твоим дерзким *соу*³⁹, оно же государственный кульбит, и тут же купировал бы ее напрочь, а тебе осталось бы одно ку-ку и больше ничего.

Всякое такое —

Может, тогда-то мое Сатори и произошло. Или как. Поразительные долгие искренние разговоры по-французски с сотнями людей повсюду, вот чего мне очень хотелось, и нравилось, и то было достижение, потому что они б не смогли мне отвечать в подробностях на мои подробные запросы, если б не понимали меня до единого слова. Наконец я стал таким дерзким, что даже не заморачивался парижским французским и целыми залпами пускал *pataraffes*⁴⁰ французской *charivarie*⁴¹, от которого они со смеху катались, ибо все равно понимали, ну и вот вам, профессор Шеффер и профессор Кэннон (мои старые «преподы» французского в колледже и на подготе, которые, бывало, смеялись над моим «акцентом», но ставили мне пятерки).

Но довольно об этом.

Достаточно сказать, когда я вернулся в Нью-Йорк, мне было гораздо веселее разговаривать с бруклинскими акцентами, чем когда бы то ни было в жизни, а особенно вернувшись домой на Юга, фьють, что за чудо эти разные языки и что за поразительная Вавилонская Башня весь этот мир. Ну как бы, вообрази — едешь в Москву, или в Токио, или в Прагу и слушаешь все это.

Что люди и впрямь понимают, что лопочут их языки. И что глаза действительно сияют от понимания, и что даются ответы, указывающие на душу во всей этой материи и мешанине языков и зубов, и ртов, градов из камня, дождя, жары, холода, во всем деревянном мешалове аж от хрюков неандерталера до марсианско-зондовых стонов разумных ученых, не-е, аж от самого ДЗЯНЬ Джонни Харта на муравьедских языках до страдальческого *«la notte, ch'i' passai con tanta pieta»*⁴² синьора Данте в его понятием саване одежд, возносящегося наконец к Небесам в объятых Беатриче.

Кстати о ней, вернулся я поглядеть на роскошную юную блондинку в *«La Gentilhommiere»*, а она жалобно зовет меня «Жак», и приходится ей объяснять, что мое имя «Жан», и поэтому она всхлипывает это свое «Жан», ухмыляется и уходит с симпатичным мальчонкой, а я остаюсь висеть на барном табурете, всех доставать своим бедным одиночеством, которое проходит незамеченным в хрястающей суетливой ночи, в дрязге кассового аппарата, лязге моющихся стаканов. Мне хочется им сказать, что не все мы

хотим стать муравьями, вносящими свою лепту в общественное тело, но каждый индивидуалист, каждый считается отдельно, однако нет, поди скажи так шмыгунам-сквознякам, что шмыгают и сквозят по этой гудящей мировой ночи, пока мир вращается на одной оси. Тайный шторм стал общественной бурей.

Но Жан-Пьер Лемэр, Младой пиит Бретонский, стоит за баром, грустный и симпатичный, как не может быть никто, кроме французских юношей, и очень он сочувствует моему глупому положению заезжего пьяницы одного в Париже, показывает хорошее стихотворение о гостиничном номере в Бретани у моря, но после этого дает мне посмотреть бессмысленный стих типа сюрреалистского, о куриных костях на языке какой-то девчонки («Верни это Кокто!» хочется возопить мне по-английски), но не желаю его ранить, а он был мил, но боится со мной разговаривать, потому что он при исполнении, а за наружными столиками толпы людей ждут своей выпивки, юные любовники голова к голове, уж лучше б я дома остался и писал «Мистическое бракосочетание св. Катерины» под влиянием Джироламо Романино, но я настолько поработчен трепом и языком, малевать мне скучно, а кроме того, учиться писать маслом надо всю жизнь.

³⁶ С (нем.).

³⁷ Ты... я (фр.).

38 Зд.: трепка (фр.).

39 Шея (фр.).

40 Зд.: пачкотня, каракули (фр.).

41 Какофония, гвалт (фр.).

42 «Измученная ночью безысходной» (ит., «Божественная комедия», «Ад», Песнь I, ст. 21, пер. М. Лозинского).